

УДК 1 (091)

Проблема субъективности в философии Ф.А. Голубинского: критическое восприятие идей И. Канта

О.Д. Мачкарина

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. В статье раскрываются основные черты религиозно-идеалистической философии Ф.А. Голубинского, его взгляды на проблему субъективного в философии, прослеживает степень влияния кантовских идей на формирование философских идей русского мыслителя.

Abstract. The paper describes the main features of the religious and idealistic philosophy of F.A. Golubinski, his views on subjective philosophy; influence of Kant's ideas on formation of philosophical ideas of the Russian thinker has been investigated.

Ключевые слова: философия, метафизика, гносеология, критическая философия, категория, идея бесконечного, религиозно-идеалистическая философия

Key words: philosophy, metaphysics, epistemology, critical philosophy, category, idea of the infinite, religious and idealistic philosophy

1. Введение

Особую роль в распространении критической философии Канта, несмотря на неоднозначность его восприятия, сыграл Федор Александрович Голубинский (1787-1854). Становление философских взглядов мыслителя пришлось на довольно сложное время, что отмечали большинство исследователей и современников Голубинского (Глаголев, 1898; Введенский, 1898). Сложность определялась столкновением различных философских направлений, которые воспринимались учеными, богословами как крайние точки зрения, именно так оценивались "вольфианская схоластика", "страшная схоластика" Гегеля и кантовский критицизм. Необходимо отметить, что Голубинский, глубоко изучив представленные философские идеи, смог дать подробную оценку их учений, выделить положительные стороны каждого из них и вклад в сокровищницу мировой философской мысли, что прослеживается в его философских и богословских трудах (Голубинский, 1884b). Прав Введенский Алексей Иванович, подметив, что Голубинскому было чуждо одностороннее теоретическое доктринерство.

Считаем необходимым подчеркнуть, что богослов был прекрасно знаком и с русским философским наследием, что позволило ему дать оценку специфике подходов и идей русских мыслителей, выделить их уникальность, обусловленную "самостоятельным мирозерцанием", "особенностями государственной, церковной и вообще народной жизни" и, в конечном итоге, прийти к выводу о том, что "наши мыслители, трудившиеся и трудящиеся в этой сфере" "говорили и еще скажут" свое самостоятельное слово (Голубинский, 1884b). Русская философия, согласно справедливому заключению русского богослова и философа, не должна быть "осколками с западных", философских систем, а должна иметь свое философствование и свою философию.

Ф.А. Голубинский стал основоположником московской школы теистической философии, теоретическими источниками которой были платонизм, "святоотеческая" традиция и сложный конгломерат западноевропейских философских и мистических представлений. Он стремился соединить платонические симпатии с рационализмом и пиетизмом XVIII в., объединяя "чистый рационализм ума" лейбнизианца Х. Вольфа с "истинной экзальтацией сердца" Ф. Якоби. Учение последнего об источниках знания стало для него основой примирения Платона с Кантом, Фихте, Шеллингом и Гегелем. Голубинский не был эклектиком, на что справедливо обращают внимание Зеньковский В.В. (2004), Абрамов А.И. (1979).

2. Ф. Голубинский и И. Кант

С идеями немецкого критика И. Канта философ познакомился еще будучи студентом Московской Духовной Академии и не оставил без внимания его идеи, о чем свидетельствует содержание трудов философа и особенно "Лекции философии". Степень влияния кантовских идей на становление философии русского богослова по-разному оценивалась философами. Так, например, Алексей Иванович Введенский писал, что Голубинский "не избрал себе И. Канта в союзники", спутниками его стали Якоби, Крузий, Клодий. Эта же мысль получила свое подтверждение в "Очерках" Шпета Г.Г., который отмечал его вольфианство и мистицизм. Хотя уже С.С. Глаголев подчеркивал, что Федор Александрович

полемицировал с Кантом по многим положениям, но с ограничениями заимствовал у него нравственное и физико-телеологическое доказательство бытия Бога (Глаголев, 1898).

Действительно, исходя из содержания опубликованных трудов русского философа, можно заключить, что Голубинский довольно критично относился к философии Канта, на что справедливо обращают внимание Абрамов А.И., Зеньковский В.В., Катасонов В.Н., Коцюба В.И., Круглов А.Н. и другие. Более того, в "Лекции философии" автор пишет: "Кант все разрушил, и ничего не создал, не построил" (Голубинский, 1884b), и, вместе с тем, именно Голубинский назвал Канта "глубокомысленным философом", который со строгой точностью "определил то, чего не могли представить себе ясно его предшественники" (Голубинский, 1886). Более того, русский философ отметил, что именно с Канта начинается новый шестой период в развитии метафизики, которой богослов посвящает первый выпуск своих "Лекций философии", излагая основные идеи критической философии.

3. Ф.А. Голубинский о философии

Прежде всего, необходимо выделить отношение Голубинского к философии, что являлось особо актуальным в период гонений на общественную мысль в России. Как и Кант, который ясно и отчетливо осознавал, что философия наряду с естествознанием как наукой обретает особый мировоззренческий план, особую мировоззренческую функцию, предоставив свободу и самостоятельность человеческому разуму, способность противопоставлять себя (Я) другому, отличному от него (не-Я).

Голубинский не оставил без внимания вопрос о сути философии, ее предмете и отличии от богословия. Особый интерес у философа вызвали точки зрения на данную проблему Платона, Аристотеля, Якоби и, конечно же, И. Канта. Под философией Голубинский понимал особое "состояние духа, в его стремлении к познанию" (Голубинский, 1886). Философия есть лишь любовь к мудрости – утверждает богослов, цитируя Платона, но и не сама мудрость, так как, согласно христианско-православным представлениям, мудрость, знание истины, дано человеку свыше, состояние его духа предоставляет человеку воспринимать окружающий его мир.

Русский мыслитель строго разграничил философское и богословское знание. Он очертил в "Общем введении в философию" круг проблем философии следующими границами: исследование деятельности человека, бытия природы и деятельности Существа Бесконечного. Так же он разграничил философию как "состояние духа в его стремлении к познанию" и философию как "ведение или знание", т.е. как систему наук и, в конечном итоге главной проблемой исследования в его философии становится "Существо бесконечное, воплощающее в себе идею единого" (Голубинский, 1884b).

Необходимо отметить, что в своем определении философии русский мыслитель проявил себя как глубокий знаток и сторонник философии Платона, посредством идей которого он стремится преодолеть недостатки кантовского субъективизма и скептицизма. Но вместе с тем, прослеживается и активный интерес Голубинского к Кантовской концепции философии. Согласно оценке русского мыслителя, Кант четко определил не только предмет философии, но и ее структуру, которую, в конечном итоге, принял за основу русский богослов.

Теолог обратил внимание на то, что Кант проводит различие между "школьным понятием" философии, т.е. ее схоластическим значением – "философия есть искусство разума", которое призвано продуцировать систему "рациональных знаний из понятий" и "космическим пониманием" (in sensu cosmico) философии. Согласно "школьному понятию" к философии относятся по Канту две вещи: во-первых, "достаточный запас рациональных знаний; во-вторых, систематическая связь этих знаний или соединение их в идее целого" (Кант, 1980). Но философия не может, согласно рассуждениям Канта, ограничиться только искусством разума. Она обладает систематической связью рациональных знаний, а потому является единственной наукой, которая "придает всем другим наукам систематическое единство", руководствуясь конечной целью человеческого разума в его всемирно-гражданском назначении, поскольку "по мировому же понятию она есть наука о последних целях человеческого разума". Философия не может игнорировать то, ради чего используется разум. В изначальном, ее подлинном смысле – философия как мудрость – она понимается Кантом как "наука об отношении всякого знания и всякого применения разума к конечной цели человеческого разума, которой как высшие, подчинены все другие цели и в которой они должны образовать единство" (Кант, 1980). И именно с этими целями должна соотносить себя академическая философия (школьная) и философия как мировоззрение.

Обратимся к Ф.А. Голубинскому. Подводя итог размышлениям о философии и ее предмете, русский философ подчеркивает: философия, действительно, как утверждают Кант и Платон, занимается исследованием "существ конечных, но не довольствуется простым обзором их, а вникает в сущность их, – в их законы и конечные цели, кои вечны и постоянно пребывают" (Голубинский, 1884b). Философия,

согласно русскому мыслителю, должна заниматься систематическим исследованием сил, законов и целей бытия.

Разделяя философию на теоретическую, эстетическую и практическую, предметом теоретической философии Голубинский определил познание человеком законов всего существующего, сущности вещей, предметом эстетической философии – силы ощущений, познание сердцем, "рожденные чувства удовольствия и неудовольствия, приводящие в стройность внутреннюю жизнь" человека. Предметом практической философии мыслитель считает силу воли, посредством которой человек образовавшиеся внутри него мысли преобразует в область внешней деятельности. Таким образом, подытоживает Голубинский, философия должна показать разуму путь к истине, воле предписать законы, чувству дать истинное направление, но так как для человека более важны и существенно необходимы законы познания и воли, чем законы ощущений, то вполне приемлемо разделение философии, предложенное Кантом – на теоретическую и практическую.

4. Проблема познания в трактовке Ф.А. Голубинского

Обратимся к гносеологическим взглядам философа. Необходимо подчеркнуть, что Голубинский отверг в философии гносеологический субъективизм и трансцендентализм и занял позицию гносеологического реализма, утверждая: "Истинное познание должно быть познанием живым, таким, чтобы силы познаваемого предмета усвоились духом познающего", чтобы в познающем было "живое ощущение" – "объятие познаваемого всем существом – не только разумом, но и волею и чувством" (Голубинский, 1884b).

Методологической предпосылкой учения о познании Голубинского является духовно-академическая традиция, сложившаяся на основе платонических и неоплатонических представлений, западноевропейских рационалистов, а так же логико-гносеологических учений немецких классиков, придерживающаяся принципа трансцендентального монизма, лежащего в основе представления о взаимосвязи трех типов бытия. Согласно этому принципу, чувственное и духовное в мире происходят от одного источника, являющегося началом бытия, их предпосылкой выступает Абсолютное бытие или Бесконечное.

В качестве главного источника познания Голубинский называет: "силу ума", содержащую в себе идею о "Бесконечном" как первоначальной основе. Источником идеи выступает опыт как внутренний, так и внешний, в котором, как считает Голубинский, "через представления конечного" раскрывается идея Бесконечного. Атрибутом ума является вера в существование Бесконечного, уничтожение веры означает по Голубинскому, уничтожение силы ума и даже самого ума. Разум же, согласно Голубинскому, есть лишь "формальная способность", позволяющая объединить многообразие чувственных впечатлений единством сознания.

Трем видам познавательной способности человека соответствуют три типа познания – эмпирическое (чувственное) познание мира физического, рациональное (рассудочное) познание духовного мира и разумное, умственное ("идеальное") познание сверхчувственного бытия. Но предшествует всякому познанию, как считает Голубинский, опыт – это касается и идеи Бесконечного, "семена" или "начатки" которой изначально присущи человеческому разуму. Следует подчеркнуть, что, согласно философу, опыт дает информацию познающему только о конечном, единичном, в определенных пределах времени и пространства, т.е. имеет ограниченный и преходящий характер. "Эмпирическая истина, постигаемая чувством, – пишет Голубинский, – занимает самое низшее место, выше ее познание причины, а еще выше сего открытие идей" (Голубинский, 1886). В разуме все частное и разрозненное "собирается воедино".

Представляет интерес разработанное Голубинским учение об идеях ума, признающее идеи ведущими силами души. Именно идеи ума являются главными источниками философии. Человеческое познание он рассматривал как "посредственное" откровение, в отличие от непосредственного – через "Слово Божие".

Поднимая вопрос о познании, Голубинский глубоко анализирует учение Канта, отмечая достоинства, а так же стремление немецкого критика примирить эмпиризм и скептицизм Юма. Кант, согласно оценке русского философа, "сослужил философии великую службу" тем, что установил, что человеку подвластны законы познания и дал определение законов, в соответствии с которыми протекают явления внешнего и внутреннего чувственного познания, но учение о сущности вещей ему оказалось не подвластным. Необходимо отметить, что Голубинский принял установку Канта: человеческое познание всегда включает в себя чувственное созерцание, в котором выражается реальное отношение знания к изучаемому объекту. Есть, как отмечает Кант, два условия, при которых возможно познание предмета: во-первых, созерцание, посредством которого предмет дается, однако только как явление; во-вторых, понятие, посредством которого предмет, соответствующий этому созерцанию, мыслится. Через

созерцание, согласно Канту, и, следовательно, Голубинскому, вещь воспринимается в качестве объекта; через понятие она [вещь] становится объектом мысли (Кант, 2004). Но Кант признает, что объектом человеческого знания не может быть просто чувственное данное, или мыслимое только в понятии. Объектом знания оказывается только все то, что подлежит объективации. Созерцание, как пишет Кант, зависит от присущей человеческой природе чувственности, исходя из чего критик выводит следующее утверждение: чувственность есть единственный способ человеческого созерцания. С другой стороны, мышление, которое находится на службе созерцания, есть рассудок, определяющий сущность человеческого понимания. Созерцание и мышление – два необходимых элемента человеческого познания, где созерцание, как пишет Сергеев К.А., обретает авторитетное измерение (Сергеев, 2000). Но именно в этом утверждении Голубинский и обнаруживает недостатки критической философии, главными из которых он считает признание Кантом: во-первых, идеи того, что во власти человека измерить только то, что подвержено опыту, и, следовательно, ему остается довольствоваться в познании только представлениями; во-вторых, утверждения, что разум человеческий не может познать "сверхопытного" "сверхчувственного", как и Бога, так как, в данном виде познания субъект руководствуется только внутренним чувством; в-третьих, человек не может доказать существование Бога, так как опираясь на веру, он может лишь предполагать бытие Бога, основываясь на "нравственной деятельности самочувствия".

Голубинский предлагает свое учение об идеях разума, рассматривая эти идеи как ведущие силы души. Разум Голубинский относил к высшим способностям человека, стремящегося к познанию идеи безусловной истины или мудрости. Сама же идея истины есть тождество мысли с существом предмета – это идея совершенного знания. Совершенное знание предполагает, в свою очередь, наличие совершенного божественного ума. Примыкая к учениям патристиков, Голубинский определяет главной функцией разума – устремленность к Божественному.

Несмотря на включение разума в структуру религиозного сознания и признание возможности рационального обоснования религиозных истин, что справедливо подчеркивает Цвык И.В. (2003), главной формой богопознания в духовно-академической философии XIX в., и в том числе в философии Голубинского, осталась внерациональная, непосредственная форма познания – вера, на что обращает внимание и В.В. Зеньковский, подчеркивая особенность построения системы Голубинского, в которой из учения о Бесконечном бытии вытекает "учение о непосредственном восприятии Божества нашим духом" (Зеньковский, 2004). Устанавливая границы философского опыта по отношению к опыту богословия, Голубинский, в то же время, считал стремление к безграничности познания изначальным и коренным свойством человеческого разума. Нельзя сказать, что Кант не признавал роли веры в познании, но в его понимании вера – есть "признание истинности суждения", которое имеет достаточное основание с субъективной стороны и в то же время считается объективно недостаточным. Немецкий критик различал прагматическую, доктринальную, моральную веру. В отношении доктринальной веры, которой придерживался Голубинский, Кант писал: "Нельзя не признать, что учение о бытии Бога есть лишь доктринальная вера", хотя в теоретическом знании о мире не существует ничего, что предполагало бы наличие мысли о существовании творца в мире явлений (Кант, 2004). Однако единство природы, ее целесообразность вынуждает разум, согласно Канту, построить предположение, что "некое высшее мыслящее существо все устроило согласно премудрым целям". Следовательно, вера в мудрого творца – условие для случайной, но важной цели: для стремления чем-то руководствоваться в исследовании природы. Именно эта доктринальная вера необходимо порождает "теологию природы". Тем более что "сама природа разума побуждает его выйти за пределы своего эмпирического применения", дойти до "крайних пределов всякого познания посредством одних лишь идей". Конечной целью, на которую направлена спекуляция разума в трансцендентальном применении, согласно Канту, являются: свобода воли, бессмертие души и бытие Бога, которые он принимает в качестве априорных форм разума.

Несмотря на то, что в рамках логико-рационалистического направления духовно-академической философии предпринимались попытки дополнения и развития так называемых рационалистических доказательств бытия Бога, главным "доводом" в пользу Божественного бытия оставался "эмпирический" – "богоощущение", "чувство" Бога. Мысль об эмпирическом доказательстве бытия Бога, о богосознании в человеке развивает Голубинский, называя это доказательство "доводом, заимствуемым из сознания в себе действия Божества". Но поскольку существование Бога основывается на вере и "осознание" (ощущение) его не имеет характера всеобщности (его степень различна у разных людей), то эмпирическое доказательство бытия Бога, согласно Голубинскому, должно быть дополнено рациональными доказательствами, к чему и прибегает теолог, причем не только классическими. В частности, его более всего заинтересовали идеи Платона и Пифагора, в которых он обнаружил зачатки учения о Божественной Премудрости, вечном плане творения. В учении неоплатоников философ ценит "чистую мысль о Боге, что Он есть Один и свободное Начало всего сущего", два "образа воззрения на

Божество: 1) как на неприступное и непостижимое; 2) как на являющееся в действиях своих", а так же богословскими учениями, известными еще со средних веков, а так же новейшим философским обоснованием Божественного бытия через исследование воплощенного. Давая оценку учению Канта в вопросе бытия Бога, Голубинский отметил, что Кант дал совершенно иной вид богословию, признавши понятия о Боге предшественников недостаточными, поставил важнейшим нравственное понятие о нем (Голубинский, 1886). Руководством для немецкого критика, в представлении богослова, служило "уяснение потребностей практического разума" – нравственность.

Русский теолог отмечал, что "искание единства в объективном бытии" возможно лишь для человека потому, что "вне опыта и до опыта" душа (или ум, в трактовке Голубинского) "имеет сознание о Боге, как самосущем единстве" (Голубинский, 1886). Благодаря "доопытности" бесконечного в человеческом духе возможно само познание.

Более того, Голубинский не допускает различения субъекта и объекта в познании, потому, что в самой чувственности (в составе восприятия), как представляет автор, субъективное – "Я" и объективное – "вещь" слиты в неотделимой координации – "наличность устремленная к безусловному", отделяет условное ("наше Я") от того, что представляет как безусловное. Следовательно, в функциях разума, в котором перерабатывается чувственный материал по категориям, не освобождает его от случайного и условного. Самое важное для философа и философии, считал Голубинский, – "выяснение и выработка внутреннего философского стремления", любви к мудрости. Без такого настроения, как считал мыслитель, нельзя стать настоящим философом.

5. Идея Бесконечного в философии Голубинского

Центральной идеей, рассматриваемой Голубинским в духе православной философии, является идея Бесконечного, "беспредельного", "Существа Бесконечного", начала единства, которое складывается "в уме", поскольку он (ум) "имеет идею о едином начале всех вещей", онтологически предваряет всякое бытие, а логически – всякое частное познание. Именно поэтому идея не может быть ни из чего выводима; она "прирождена" человеку и, благодаря ее доопытной наличности в нашем духе, согласно Голубинскому, возможно само познание, которое русский философ рассматривает как "восхождение от конечного к бесконечному, от условного к безусловному". В "Лекции философии" автор выделяет три пути восхождения к Бесконечному: путь причинный, приводящий к "Высочайшей Причине"; путь отрицания – путь отсечения в конечном существовании недостатков, несовершенства, отделяя их от мысли; путь превосходства, нахождения в конечных вещах истинного, основного, возвышаясь к степени Бесконечного.

Этой значимой для философа проблеме посвящена основная часть философии – Метафизика, предметом исследования которой является Бесконечное в его идее, в бытии и в отношении к существам конечным. Но Бесконечное может быть рассматриваемо 1) само в себе, в его бытии и свойствах; 2) в его отношении к миру, в котором можно различать: 1) отношение к существу свободно-сознательному, человеку и 2) отношение к природе внешней. "Прежде нежели из Бесконечного объяснять конечное, – пишет Голубинский, – должно дойти до Бесконечного путем естественным и без скачка, дабы иметь основание самой веры в Бесконечное, то есть необходимо сначала исследовать Бесконечное в его идее" (Голубинский, 1884b).

Понятие бесконечности в широком его толковании составляет одну из проблем и в философии Канта, на что справедливо обращают внимание Гайденок П.П., Катасонов В.Н., Коцюба В.И., Ред В. и другие, связывая ее, прежде всего, с вопросом о Боге как абсолютном первоначале.

История вопроса о бесконечности восходит к античности и спорам вокруг принципа непрерывности и природы бесконечно малого. Кант вступает в дискуссию в период пересмотра принципов рационализма XVII-XVIII вв., когда переосмысливается центральное в метафизике понятие субстанции. Фундаментом его критической системы знания становится не субстанция, а субъект. Кант ставит в центр своего учения понятие трансцендентального субъекта, освобождаясь тем самым от психологизма в теории познания. В результате мир эмпирический и мир внутренний становятся реальными только в отношении к трансцендентальному субъекту, который конструирует этот мир с помощью априорных форм чувственности (пространство, время) и рассудка (категорий). Подлинным бытием в критической философии обладают лишь вещи в себе – простые, неделимые, лишенные протяжения. Как справедливо отмечает Гайденок (2000), Кант продолжает линию Аристотеля и Декарта, придерживающихся установки, согласно которой невозможно существования каких-либо атомов, т.е. частей материи, неделимых по своей природе. Декарт даже не допускает в научный оборот понятие актуально бесконечного. Актуально бесконечным признается только Бог, но он, согласно Декарту и Канту, непознаваем, так как человеческому познанию доступна лишь потенциальная бесконечность. Следуя античной традиции, ими признается, что познание есть "полагание предела", а невидимые

границы вещей определяются как "неопределенные", так как тело нельзя разделить на такие мельчайшие части, которые не могли бы быть разделены на мельчайшие. Отсюда и установка: Вселенная не бесконечна (infinite), а неопределенная (indefinite), т.е. бесконечно потенциальная.

В отличие от Декарта Кант не признает, что пространство есть субстанция. Здесь он остается верен Лейбнизианской философии, определяя субстанциями неделимые монады. Пространство заполняют физические монады не множеством своих частей, а сферой своей деятельности. Пространство, согласно Канту, делимо до бесконечности, и сколько бы не продолжалось это деление, но мы никогда не дойдем до "простых частей" или далее неделимых. Этим определением Кант опровергает утверждение Лейбница, согласно которому сложная субстанция – это агрегат простых субстанций. Что же касается мира явлений, протяженного в пространстве и длящегося во времени, то он непрерывен, т.е. бесконечно делим. "О явлениях, деление которых можно продолжить до бесконечности, можно лишь сказать, что частей явления столько, сколько их будет дано нами, пока мы будем в состоянии продолжать деление. Ведь части, как относящиеся к существованию явлений, существуют лишь в мыслях, т.е. в самом делении" (Кант, 1966).

Именно это жесткое различие вещей в себе и явлении, как справедливо отмечает Гайденко, и является основой кантовского решения проблемы континуума: непрерывность пространственно-временного, природного мира не противоречит "дискретности" мира сверхприродного. В "Метафизических началах естествознания" (1786) Кант пишет: "Сколь далеко... простирается математическая делимость пространства, наполненного той или иной материей, столь же далеко простирается и возможное физическое деление субстанции, его наполняющей. Но математическая делимость бесконечна, следовательно, и физическая, т.е. всякая материя до бесконечности делима, и притом на части, из которых каждая в свою очередь есть материальная субстанция" (Кант, 1966). Следовательно, если материя не является вещью в себе, то и нет необходимости, как у Лейбница, допускать актуальную бесконечность частей, чтобы обосновать потенциальную бесконечность, т.е. бесконечную делимость пространства и времени. Таким образом Кант по-своему разрешает парадоксы континуума, возвращаясь к принципу потенциальной бесконечности и сохраняя идею непознаваемости бесконечности.

Особую актуальность в критической философии приобретает понятие бесконечности в философии практического разума, который, как и теоретический, ищет полноты условий всего обусловленного. Руководствуясь категорическим императивом, разум ищет понятия высшего блага и осознает его в соединении добродетели и счастья. Вторгаясь в сферу возможного, разум обнаруживает, что для обоснования ее в практическом отношении он должен постулировать существование свободы, бессмертия души и Бога, причем все эти понятия неотделимы от понятия высшего блага и бесконечны. Идея бесконечного присутствует и в оценке творческой способности человека, способствующей пониманию бытия всего сущего – человек обладает в онтологическом плане бесконечностью, но он не является и не может быть абсолютным и бесконечным в способности творения или созидания самого по себе сущего. Обращает на себя внимание тот факт, что для Канта, как и для представителей духовно-академической философии, тема бесконечности связана с идеей Бога.

Кант, будучи скептиком в области богословия, утверждал, что человеческий разум не способен познать "сверхопытное", сверхчувственное, поэтому то и считал, что нет "твердых доказательств бытия Бога". Следует подчеркнуть справедливость вывода Асмуса В.Ф. (1966) в том, что Кант, отрицая "теизм" в качестве "догматической" системы вовсе не считает воззрение "теизма" окончательно опровергнутым или лишенным ценности. Под теологией Кант подразумевал познание первосущности и различал трансцендентальную теологию и естественную. Трансцендентальная теология основывается на одном лишь разуме (theologia rationalis) и мыслит предмет только посредством чистого разума, с помощью трансцендентальных идей, поэтому называется трансцендентальной. Теология, опирающаяся на откровение, мыслящая своей предметом посредством понятия, которое заимствует из природы, как высшее мыслящее существо, называется естественной (theologia revelata). Тех, кто допускает только трансцендентальную теологию и, следовательно, признает, что только посредством одного лишь разума можно познать существование первосущности, Кант называет деистами. Тех, кто признает и естественную теологию, утверждает, что разум в состоянии определить предмет по аналогии с природой, а именно как сущность, содержащую первоначальное основание всех вещей, немецкий философ называет теистами. Подвергая критике знание, чтобы обеспечить место вере, Кант и в этом вопросе – о роли "теизма" в объяснении целесообразности природы – сохраняет за ним все же немаловажное значение. И те и другие принимают Бога как высшую сущность, но деист "верит в Бога", а теист – "верит в живого Бога".

Правда, по Канту, бытие Бога не следует ни из понятия о Боге, ни из понятия о мире, ни из понятия о естественной целесообразности. Основанием веры в бытие Бога может быть только моральный

довод, опирающийся на веру в моральный мировой порядок и моральную мировую цель. Таким основанием может быть не "определяющее", а только "рефлектирующее" суждение; его значение только субъективное.

Голубинским Ф.А. необходимость включения в философию понятия "бесконечное" выводится из причинно-следственных связей, обуславливающих бытие, а так же из стремления "найти для изменяющегося неизменяемое, для частного – общее, для преходящего – основное и постоянное – найти бесконечное" – "единое вечное начало", которое поможет человеку познать истину (Голубинский, 1884b). Но, несмотря на возможность познавательной деятельности и способности человека познать Бесконечное, считает теолог, невозможно, но "возможно приобрести столько знаний о нем, чтобы объяснить свое отношение к нему".

В духе философии Платона Голубинский заключает – идея Бесконечного не может быть выведена из опыта или из умозаключений, ее нельзя построить только на основе конечного. Чтобы перейти от конечного к бесконечному, понимать смысл этого понятия, надо уже обладать интуицией того, что такое бесконечность. Идея бесконечного присутствует в человеческом духе от природы и, согласно философу, может быть "схвачена" только интуитивно, волей и чувствами.

Голубинский считал, что критическая философия Канта не может быть руководством к исследованию метафизических проблем, так как силы человеческого духа сжаты, заключены в тесных пределах, "все познания ограничены миром чувственным", в то время как бесконечное является характеристикой мира сверхчувственного. То, что не смог сделать Кант, а именно объяснить природу сверхчувственного, сделали неоплатоники, которые "пытались дотянуться до истины не посредством внешних пособий, не посредством умозаключений, но через постоянное углубление в себя в свою нравственную природу", но их ошибка в том, заключает русский философ, что они не составили системы. Эту ошибку и пытается исправить Голубинский, создавая систему, которая приводит к "живой вере" – именно такую оценку получает философ со стороны современников.

6. Учение о категориях в трактовке Ф.А. Голубинского

Подверг критике Голубинский и Кантовское учение о категориях или в трактовке Канта – учение о чистых рассудочных понятиях, а priori относящихся к предметам созерцания вообще. В учении о категориях И. Кант подошел к проблеме не онтологически, а гносеологически и логически. Поставленная Кантом познавательная задача заключалась в выяснении возможностей и границ теоретического познания, в выяснении априорных условий познания вообще. Категории рассматриваются им в парадигме трансцендентальной философии.

Понимание категорий, считал критик, – это вопрос понимания природы самого познания. По Канту, познание опирается на созерцания и понятия. И те, и другие бывают эмпирические и чистые. Чистыми созерцания и понятия бывают тогда, когда к ним "не примешиваются ощущения". Поэтому чистые понятия представляют собой "только форму мышления о предмете вообще" и являются "априорными", то есть не зависят от опыта и предшествуют ему. Но если это так, то, по мнению Канта, "должна существовать логика, отвлекающаяся не от всякого содержания познания". Эта логика должна "исследовать происхождение наших знаний о предметах, если только оно не может быть приписано предметам" (Кант, 2004). Эту науку он называет трансцендентальной логикой. Она, по мысли Канта, должна определять происхождение, объем и объективную значимость априорного знания. Ее непосредственным предметом являются априорные чистые рассудочные понятия, которые Кант и называет категориями.

В черновых набросках Кант пишет: "Всякое восприятие должно быть подведено под одну из рассудочных рубрик, так как оно не дает никакого понятия... [категории] указывают нам способ использования явлений в качестве материала мышления. ...Мы говорим: камень катится, дерево падает (тело движется), то есть действует, стало быть есть субстанция. Поле вспахано, луг осушен, рюмка разбита: это действия, указывающие на какую-то причину. ...Без подобных понятий все явления были бы разрознены и не относились бы друг к другу. ...Опыт есть понятое восприятие. Понимаем же мы восприятие, когда представляем его под рубриками рассудка. Опыт есть спецификация рассудочных понятий при помощи данных явлений" (Кант, 1997). Итак, по Канту категории – это "рубрики рассудка". Связь с аристотелевской идеей очевидна. Но дальнейшее развитие идей Канта отдаляет его от Аристотеля. Категории – чистые формы мышления. Изучая их, трансцендентальная логика не заимствует ничего из эмпирии, из психологии, все в ней должно быть достоверно априори. Это означает, что область знаний о категориях не есть область знаний об эмпирической действительности, а лишь область знаний о принципах рассудочного мышления. Категории "суть лишь формы мысли, посредством которых еще не познается никакой определенный предмет". Субъект мышления и познания также мыслится Кантом не

как эмпирический, а как трансцендентальный, то есть как бы обезличенный, не психологический, а объективный.

Категории "не выводятся из природы и не сообразуются с ней как образцом". Напротив, природа сообразуется с категориями в том смысле, что мы видим природу, мир вообще таким, каким позволяют нам его видеть категории, присущие нам априорно и с необходимостью. Следовательно, заключает Кант: "Мы не можем мыслить ни одного предмета иначе, как с помощью категорий; мы не можем познать ни одного мыслимого предмета иначе, как с помощью созерцаний, соответствующих категориям" (Кант, 1966).

Обратимся к работам Голубинского. Как и Кант, русский философ, признает, что категории выражают потребность разума искать единства в многообразии явлений. В действующем разуме категория – первоначальная форма представления. Категории есть не что иное как "законы разума", именно так определяет Голубинский свое толкование кантовских определений категорий – "форма мышления о предмете вообще" или "рубрики рассудка". "Справедливо признать, – пишет Голубинский, – категории разума законами". Как и Кант, богослов признает наличие законов разума, которые обусловлены потребностью самого разума обнаружить единство в многообразии. Но, устанавливая, что категории априорны, философ, в отличие от Канта, утверждает, что разум не создает категории. Категории основываются на "на том первоначальном законе ума, по которому дух наш стремится к Бесконечному", богослов находит источник, каковым становится в учении Голубинского "Бесконечное".

Используя платоновское учение об эйдосах, Голубинский определяет "начало категорий", которое обнаруживает "в уме" или "в идее". Как и Платон, который видел в эйдосе не внешнюю, а внутреннюю форму, т.е. имманентный способ бытия объекта, так и Голубинский определял суть категорий. Одновременно эйдос в платонизме обретает самостоятельный онтологический статус и отождествляется с трансцендентным миром, выступая суммой "абсолютных и совершенных образцов возможных вещей". Вместе с тем, эйдос сохраняет связь с миром вещей, он воплощается в них, и эти вещи несут в своих формах и структуре его образ.

Категории в трактовке Ф. Голубинского, как и платоновские идеи, истинны. Они поставлены "на середине между миром изменяемым и вечным неизменяемым", а потому, в отличие от Канта, Голубинский признает, что категории "имеют применение не только в мире чувственном", но и к "бытию неограниченному и всесущественному".

Особое размышление вызвала кантовская таблица категорий, в которой философ-богослов увидел "правильный порядок в исчислении форм разума". Голубинский отметил, что Кант, составляя таблицу категорий, по оценке русского мыслителя поступил "правильно", исключив из анализа чувственное, и предусмотрел последовательное развитие однородного – одного из другого. Значимым Голубинский признал то, что в таблице "формы приведены к общим некоторым началам и основаниям" (Голубинский, 1884а). Но оставили сомнение у богослова количество форм, которыми ограничивается разум, согласно Канту их 12, а так же сам порядок их выведения.

Голубинский подверг критике порядок 4 основных классов категорий: количество, качество, отношение и модальность, и, прежде всего, определение места категории "модальность", следующей за категорией "отношение" в классификации Канта. Именно на анализе принципа, заложенного в классификации, и сосредоточил свое внимание Голубинский. Философ уточняет, что выбранное немецким критиком основание, а именно Аристотелевская логика, исходя из которой, все отношения мышления в суждениях бывают трех видов: отношение предиката к субъекту; отношение основания к следствию; отношение разделенного знания и всех членов деления друг к другу, – полностью согласуется с духом его системы. В разделительном суждении существует некоторое обобщение знаний, состоящее в том, что они (знания) исключают друг друга и таким образом, в целом определяют истинное знание. Модальность – есть особая функция, отличительной особенностью которой является то, что она не прибавляет ничего к содержанию суждения, но определяет, пишет Кант, "значение связки" по отношению к мышлению вообще. В заключении Кант уточняет, что им избран один принцип систематизации, а "именно из способности суждения, которая есть не что иное, как способность мышления". Каждой категории или основным понятиям чистого рассудка имеются так же "чистые производные от них понятия, которые никоим образом не могут быть пропущены", таким образом и сложилась таблица категорий.

Теолог позитивно оценил поставленную немецким критиком задачу: определить единство в многообразии явлений и основания – для условного. Обладая первоначальными и основными понятиями нетрудно добавить к ним производные и подчиненные понятия и таким образом представить во всей полноте "родословное древо чистого рассудка". Но остается вопрос, который не находит своего ответа в системе Канта – объяснение мира сверхчувственного, "существующего независимо от всех отношений", независимо от человеческого разума. Категории не строятся разумом, утверждает Голубинский, они

существуют а priori и разграничивают мир феноменальный, изменчивый, и мир сверхчувственный, вечный и неизменный. Определяя справедливо, что все понятия об общих свойствах существ выводятся из начал разума и главным образом из деятельности, Канту в оценке Голубинского, так и не удается раскрыть: действительно ли понятиям соответствуют самые вещи.

7. Заключение

Таким образом, подводя итоги анализа онтологических и гносеологических идей Канта, Голубинский отмечал, что немецкий критик создал особую онтологию, отличную от Вольфовской, которая обладает большим единством, но не может, по мнению философа, быть руководством в исследовании предметов метафизического учения.

Руководясь идеей бесконечного бытия, Голубинский пытался философски обосновать идею творения мира, причем он подчеркивал, что сотворенному миру присуща относительная самостоятельность, что в элементах сотворенного мира существуют начала "из себя самих действующие". В каждом частном бытии, говорил он, "есть свой центр". Голубинский отличал "истинное познание" от "неистинного". В духе на столетие позже появившегося интуитивизма он учил, что "ощущение должно быть объятием познаваемого". Голубинский Ф.А. создал особую школу в Московской Духовной Академии – философскую школу онтологизма, укореняющую духовные движения человека в Боге. Его последователями стали В.Д. Кудрявцев-Платонов, А.И. Введенский, епископ Никанор, А.М. Бухарев (архимандрит Феодор).

Литература

- Абрамов А.И.** Оценка философии Платона в русской идеалистической философии. *Сб.: Платон и его эпоха. Отв. ред. Ф.Х. Кессиди. М., Наука, с.224, 1979.*
- Асмус В.С.** Проблема целесообразности в учении Канта. Сочинения. В 6 т. *М., Мысль, т.5, с.5-64, 1966.*
- Введенский А.И.** Профессор философии протоиерей Федор Александрович Голубинский. Ко дню столетней годовщины его рождения – 22 декабря 1797-1897 гг. *Сергиев-Посад, 2-я Тип. А.И. Снегиревой, с.4, 9, 1898.*
- Гайденко П.П.** История новоевропейской философии в ее связи с наукой. *М., ПЕР СЭ; СПб., Университетская книга, глава IX, 456 с., 2000.*
- Глаголев С.С.** Протоиерей Федор Александрович Голубинский. *Сергиев-Посад, 2-я Тип. А.И. Снегиревой, с.5, 27, 1898.*
- Голубинский Ф.А.** Лекции по умозрительному богословию. *Сергиев-Посад, 2-я Тип. А.И. Снегиревой, вып.3, с.82-87, 1884а.*
- Голубинский Ф.А.** Лекции философии. *Там же, вып.1, с.10, 14-15, 28, 38-40, 49, 65, 1884б.*
- Голубинский Ф.А.** Лекции философии. *Там же, вып.3, с.4, 11, 27, 1886.*
- Зеньковский В.В.** История русской философии. В 2 т. *Ростов-на-Дону, Феникс, т.2, 292 с., 2004.*
- Кант И.** Критика чистого разума. *М., изд-во "ЭКМО", с.63-64, 93-94, 124, 613, 2004.*
- Кант И.** Метафизические начала естествознания. В 6 т. *М., Наука, т.6, с.98, 1966.*
- Кант И.** Трактаты и письма. *М., Наука, с.331-332, 1980.*
- Кант И.** Фрагменты черновых набросков по метафизике. *Логос, № 10, с.202, 1997.*
- Сергеев К.А.** Философия Канта. В кн.: *Очерки истории классического немецкого идеализма. СПб., Наука, с.114, 2000.*
- Цвык И.В.** Владимир Соловьев и духовно-академическая философия XIX века. *Вестник Московского университета, серия 7. Философия, № 1, с.4, 2003.*